

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 17 ЯНВАРЯ 1927.
LUNDI, 17 JANVIER 1927

НОМЕРЪ
ВО ФРАНЦІИ **50** cent.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И. Н. МИЛЮКОВА LE NUMERO **50** cent.
Quotidien Russe — « LES DERNIÈRES NOUVELLES ». Directeur P. N. MILIOUKOV EN FRANCE

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 17 ЯНВАРЯ 1927.
LUNDI, 17 JANVIER 1927

№ 2126

8-ème
ANNÉE

17

ABONNEMENT AUX « DERNIÈRES NOUVELLES »
(Partiel de 1 et 16 de chaque mois)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА « ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ »
(съ 1-го и 16-го января мѣсяца)

	1 msc.	3 msc.	6 msc.	1 годъ
Во Франціи France	13	30	65	125
За-границей Etranger	23	64	120	230

Changement d'adresse 1 fr.

Подписка принимается въ Конторѣ газеты
и въ ее отдѣленіяхъ, а также во всѣхъ почт.
отдѣленіяхъ.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты.
Цѣна въ Парижѣ и провинціи—50 сантим.
За-границей—80 сантим.

REDACTION ET ADMINISTRATION
РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА

20, Rue Buffault, 20, Paris (IX). Тел. 25-07. Тел. отдѣла объявленій Trudaine 24-78.

On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans
tous les Bureaux de poste.
Annonces: aux Bureaux du Journal.
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 80 cent.

Adresse Télégraphique: DERNOUVED
Телеграфный адресъ: PARIS

ABONNEMENT AUX « DERNIÈRES NOUVELLES »
et LE JOURNAL « ZWENO »

НА « ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ » СЪ ЖУРНАЛ. « ЗВѢНО »

	1 msc.	3 msc.	6 msc.	1 годъ
Во Франціи France	15	41	75	145
За-границей Etranger	27	74	140	270

Перемѣна адреса — 2 fr. — Changement d'adresse — 2 fr.

№ 2126

8-ой ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

17

Два автора -- двѣ пьесы

Художественники кончают двумя по-
лыми (для Парижа) пьесами: «Битва
жизни» и «Дядя Ваня». Какая разница
— Диккенс и Чехов! Не авторовъ, не
драматурговъ разумью; не степень ихъ
мастерства, не разницу приемы. Но ра-
зумью, — что они выводятъ, какую
жизнь, какихъ людей, и откуда. — какое
впечатлѣніе за собой оставляютъ.

Англичанинъ рисуетъ людей, въ ми-
рѣ спящихъ въ жизни, — каждая мо-
ментъ ихъ жизни-бытия указываетъ на об-
щій, на стародавнюю, на связь чело-
вѣка съ работой, съ устойчивыми, старинны-
ми приемами работы, людей, жизнь кото-
рыхъ въ рамкахъ, вѣсть, направлена,
цѣль... У Чехова люди слоняющіеся, люди
неопредѣленныхъ желаній, туманныхъ по-
мысловъ, невыработанныхъ жизненныхъ формъ,
неустойчивые, заблудившіеся въ самихъ
себѣ. Диккенсъ радостенъ, примиренъ,
хотѣлъ бы вѣдь къ удовлетворяющему кон-
цу; Чеховъ (онъ-таки разумью его лю-
дей и обстоятельства) сумраченъ, безна-
деженъ, тягучъ, кончаетъ всякій свой ха-
рактеръ неразгаданными многоточіями...
Жизнь, которую выводитъ Диккенсъ, —
ярко обработанный матеріалъ; жизнь
у Чехова тягучая размазня. Однимъ сло-
вомъ, Диккенсъ Англія; Чеховъ (увы!)
Россія.

Таковы невольно напрашивающіяся со-
ставленія. Все это сказывается и въ по-
литическихъ наклонностяхъ. Несмотря на всю
жизненную предель, на солнечность дик-
кенсовскаго спектакля, актеры почти все-
гда больше дома въ туманѣ, въ поурядоч-
ныхъ и нѣтъ чеховскихъ «героевъ».

Милая пьеса Диккенса (переводка).
собственно, исторія двухъ сестричекъ. Од-
на уступаетъ другой того, кто въ дра-
мѣ, а сама, въ послѣдней картинѣ про-
стигаетъ руку тому, кто по ней вы-
шелъ. Сестрички очаровательны. Г-жа Ва-
харова и Крыжановская совсѣмъ трогате-
лемъ въ своихъ кисейныхъ гитарныхъ
пѣняхъ. Онѣ очаровательны и во второй кар-
тинѣ, гдѣ въ бархатныхъ платьяхъ си-
дятъ у камина. Обстоятельная старуха во-
обще, при большой скромности, краснѣ-
етъ, не говоритъ гласно, но все подсказываетъ. Сразу схватывается семейная
мелочь. Ихъ отецъ, старичекъ, въ послѣд-
ней картинѣ мило-называетъ, добродѣтели,
но хотѣлъ бы быть много жизненнѣе, если
бы мѣсть актеръ излѣчился отъ принятой
ему привычки мямлѣнія между словами;
проходящая для это отъ незнания текста,
для это такой «реалистическій» приемъ,
но часто это переходитъ прямо въ зане-
заніе. Вообще, чѣмъ больше наблюдаю,
тѣмъ больше прихожу къ убѣжденію, что
самое главное на сценѣ естественность
рѣчи.

Очень пріятны два старичка (Компа-

ровъ и Зелинскій). Они мнѣ напомнили
старичковъ въ одномъ изъ лучшихъ дости-
женій художественниковъ (Первая Сту-
дія), — въ «Гробѣ Надежды».

Выделяется, даже скажу, слишкомъ вы-
деляется комическая парочка, Сбровъ и
Г-жа Гречъ. Какъ-то мало сливаются съ
прочими. У Г-жи Гречъ получается очень
странное нѣчто: она какъ будто играетъ
двѣ роли, до такой степени она до замуж-
ства одна, а послѣ замужества другая.
Изъ двухъ предпочитаю вторую. Въ пер-
вой слишкомъ много движенія и разбро-
санной дураковатости; вторая спокойнѣе
и удивительно пріятна въ своей мягкой,
умной преданности.

Наши «жесты-премьеры» (Васильевъ и
Вырубовъ) были очень романтичны по
вышинности.

Комическія фигуры двухъ дамъ на тан-
цевальной вечеринкѣ (Г-жи Секевичъ и
Левина) дѣйствительно смѣшны, но не
референы. — уже выкидывали.

Въ обстановкѣ есть любопытныя по-
дробности, какъ, напримеръ, изъ трюм-
пачъ составленное дерево; смѣло и по ма-
териалу, и по дѣлу.

Въ режиссерскомъ смыслѣ есть малень-
кіе недочеты. Припоминаю: когда въ пер-
вой картинѣ Гречъ провожаетъ отъѣзжаю-
щаго, она машетъ платкомъ не въ веро-
ятъ, куда ушелъ женихъ, а куда-то вбѣ-
жалъ, такъ что зрителямъ (по крайней мѣрѣ,
той половины театра, гдѣ я сидѣлъ) ка-
жется, что она машетъ въ домъ... У ка-
мина, — когда отецъ нагибается къ до-
чери, онъ за собой нагибается и кресло,
на которомъ сидитъ. Это совершенно на-

рушаетъ то впечатлѣніе покоя, которое
должна давать эта сцена и фигура ста-
речка. Куда лучше было бы, если бы онъ
ее къ себѣ привлекъ. Есть и другія... ме-
лочи? «Въ театрѣ нѣтъ мелочей», сказа-
ла Дуза.

«Дядя Ваня» отлично размѣщенъ, съ
самого начала. Когда во второмъ дѣйстви
Елена Андреевна (Германова) говоритъ,
что въ этомъ домѣ такой-то ненавидитъ
такого, а такая-то такого-то, — зритель
все это уже знаетъ изъ перваго дѣйствія.
Тутъ, конечно, заслуга не однихъ акте-
ровъ, но и автора: тутъ большое мастер-
ство одной черточкой дать картану.

Все обрисовано мастерски, характеры
замѣчены съ самаго начала, тины выдер-
жаны. Но что за атмосфера? И, въ дра-
матическомъ смыслѣ, какое проти-
ворѣчіе въ себѣ: *заинтересовать, ску-
кою!* Все люди, которые скучаютъ, кото-
рые зѣваютъ, ломаютъ руки, изнемогаютъ.
Изнемогаютъ отъ жизни? Нѣтъ, изнемо-
гаютъ отъ отчужденія жизни въ себѣ. Эта
человѣческая кинематографическая тя-
жесть, а съ точки зрѣнія драматическаго
интереса это задача очень трудная и для
автора, и для исполнителей. Все здѣсь не
въ самихъ словахъ, а въ томъ чувствѣ, ко-
торое ихъ согреваетъ. Пьеса шла въ Лон-
донѣ съ англичанами. Слышалъ отъ ва-
дильныхъ, что это было невыносимо. Непят-
но, — они говорили только слова. А здѣсь
не слово, здѣсь та нервность, которая из-
копилась *раньше* слова: это какъ нервно
установившійся человекъ по поводу неоправив-
шагося ему пустяка напоминаетъ (не въ

словахъ, а въ интонаціи) все *прежде* пе-
тербургскія обиды. Это накопление не-
высказаннаго, это и составляетъ драмати-
ческую цѣнность пьесы, и *эта* составля-
етъ сущность удивительнаго взрыва, су-
масшедшей семейной потасовки, которой
кончается третій актъ.

Эта сторона была прокрасно передана
нашими артистами. Она была выявлена
лучше, нежели моменты спокойной есте-
ственности; не возбужденной страсти-
ми. Простой разговоръ страдаетъ нарочи-
тостью (ну хотя бы у Астровъ-Вырубова
такая простая фраза, какъ замѣчаніе о
захрамывающей пристяжной), а моменты по-
кой въ глубокомъ чувствѣ слишкомъ на-
пряжены, натянуты (какъ, напримеръ, по-
слѣдній монологъ Сони-Крыжановской).

Въ режиссерскомъ смыслѣ есть досад-
ныя упущенія. Концы актовъ и концы
сценъ смазаны, какъ-то купы. Такая фра-
за, какъ «Извините, я безъ галстуха»,
пропала совершенно, я думаю, что я ее
услышалъ только потому, что ждалъ ее. За-
явленіе Сони о томъ, что нельзя играть
на фортепиано, упало въ совершенно пу-
стую атмосферу и осталось для публики
не понятнымъ (тѣмъ болѣе, что она гово-
рять только — «Нельзя»). Неприятно бы-
ло узнать въ третьемъ дѣйстви ту же ком-
парту, что и во второмъ, но съ другою ме-
лодіей. — пріѣхъ очень замѣтенъ, а въ
судящихъ ненуженъ... Неудачна была
стремленія сверчковъ въ послѣдней картинѣ,
нѣ, непохоже. О, какъ я помню этихъ зна-
менитыхъ сверчковъ, когда въ первый
разъ ихъ услышали! Сколько шуму пѣ-
за нихъ! Мало кто это помнитъ сейчасъ.

Но въ тѣ времена новшества Художествен-
наго театра встрѣчались сильными на-
смѣшками, въ особенности въ петербург-
скихъ газетахъ, и вотъ «сверчки» сдѣла-
лись символомъ его реалистическихъ стре-
мленій. Сколько галдежа, сколько карри-
катуръ! Охъ, какъ не любилъ у насъ но-
вое, и какъ рады бывали, когда новое да-
вало случай къ реальному воплощенію въ
образѣ: «сверчки» это были прямо пода-
рокъ для репортеровъ...

И не буду, послѣ сказаннаго о спек-
таклѣ вообще, разбирать по-одиночкѣ. Но
о Павловѣ въ роли Телѣгина не могу не
упомянуть. Конечно, никто не будетъ *луч-
ше* незабвеннаго Артема, но Павловъ пре-
красенъ. Онъ все время играетъ, — и мол-
читъ, а играетъ. Онъ добръ, мягокъ (я
тонаціями мягче всѣхъ, даже женщинъ),
онъ смѣшонъ и трогателенъ, — юморъ
безъ конца. Онъ къ себѣ тянетъ все серд-
ца, и не онъ самъ только. — его шалпа,
его рубашка, его галстучекъ, его гитара.
А смѣхъ его, столь нескромный, которому
невозможно противустоять, смѣхъ, кото-
рый его душитъ, а тѣмъ не менѣе сдер-
жанный, смѣхъ въ себя шепоткомъ. О,
какъ мы его любимъ за это соединеніе
грусти и радости!...

Таковы наши послѣднія впечатлѣнія.
Говорятъ, надъ милой труппой нависли
угрожающія тучи. Надъ кѣмъ ихъ нѣтъ?
Но если за кого-нибудь хочется умолить
жестокую дѣйствительность, то, конечно,
за этихъ воплощенныхъ мечтъ, за почтен-
ныхъ работниковъ «Ирарской группы».

Кн. Сергѣй Волконскій.